



Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation  
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 519-535, 2015

<http://bg.sutr.ru/>



UDC 94(470+481)(045)

### **Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration?**

<sup>1</sup> Vladislav I. Goldin

<sup>2</sup> Konstantin S. Zaikov

<sup>3</sup> Aleksandr M. Tamitskiy

<sup>1, 2, 3</sup> Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation  
Lomonosov Avenue 2, Arkhangelsk, Russian Federation, 163002

<sup>1</sup> Dr. (History), Professor

E-mail: [v.i.goldin@yandex.ru](mailto:v.i.goldin@yandex.ru)

<sup>2</sup> PhD (History)

E-mail: [k.zaikov@narfu.ru](mailto:k.zaikov@narfu.ru)

<sup>3</sup> PhD (Political Science), Associate Professor

E-mail: [a.tamitskiy@gmail.com](mailto:a.tamitskiy@gmail.com)

#### **Abstract**

This article is based of an extensive array of documents and cartographic materials of the leading archives of the Russian Federation and Norway. The authors focus their attention on the history of Russian-Norwegian border and the Sami aspect of its development. On the Scandinavian continent, the population of frontier areas was often a factor of political tension, but the ethnic picture of the Russian-Norwegian borderland distinguished by the fact that the frontier status of the Skolt was the integration factor for the formation of economic cooperation between the border provinces of Russia and Norway. This thesis the authors explain by the peculiarities of the States policy regarding the border territories, ethnic groups, economic activities and economic interaction of Skolt with other communities, as well as their perception of own inhabited space.

**Keywords:** Russian-Norwegian relations; the Russian-Norwegian frontier; Sami.

#### **Введение**

Демаркация и поддержание границ является первостепенной задачей современного государства и признаком его существования. В способности и желании проведения линий рубежей, разделяющих собственную территорию от территории соседних государств, введения правил, регулирующих потоки товаров и людей через установленные границы, видится признак стремления к национальной независимости. Однако четко очерченные государственные границы и их поддержание длительное время не являлись главной целью политики со стороны власти. В Европе не существовало точных пределов государственных рубежей, а присутствовали лишь пограничные или транзитные зоны между королевствами в облике лесов и пустынных местностей. Указанная характеристика стала присуща современному этапу исторического процесса, и является кульминационной точкой в вопросе разграничения территорий, когда граница становится условием государственной суверенности. Данное обстоятельство было закреплено подписанием Вестфальского мира в 1648 году, когда была сформулирована известная доктрина государства как независимого политического субъекта, а европейские державы согласились соблюдать принцип территориальной целостности. В XIX в. с распространением идей «народного суверенитета» и «национального государства» территориальные рубежи стали условием государственной целостности и безопасности от внешнего вторжения. Происходящие же на приграничных территориях экономические и социально-культурные процессы становились фактором напряженности и региональной интеграции в международных отношениях.

### Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве, Государственном архиве г. Осло (Норвегия), в том числе впервые вводимых в научный оборот. Также материалы исследования основываются на достижениях лимологии и междисциплинарном осмыслении проблематики с позиции исторической, географической и социальных областей научного знания.

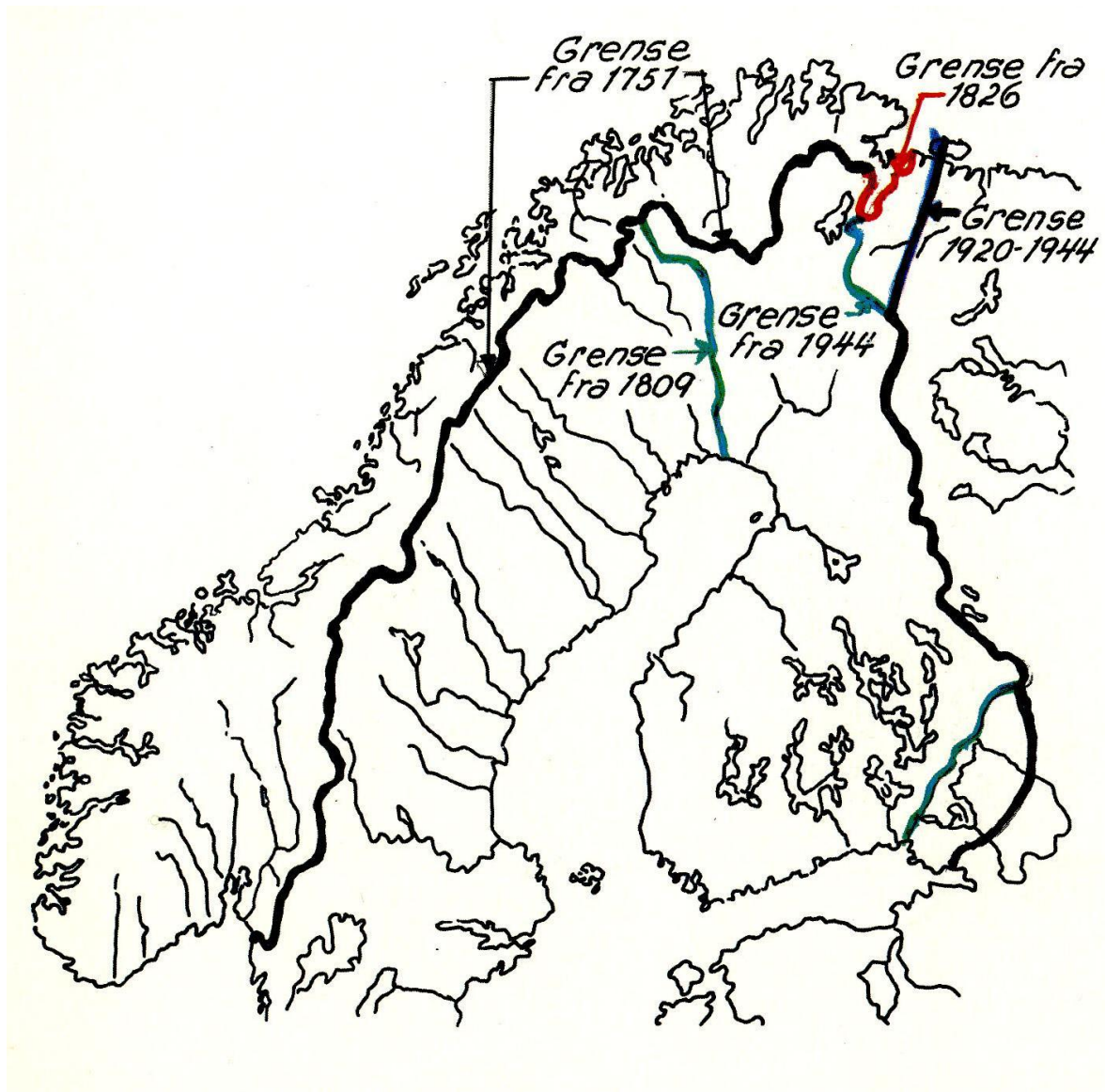
### Обсуждение

В лимологии, или пограничных исследованиях этнические группы, проживающие во фронтирных территориях или на границе сопредельных государств, обычно воспринимаются жертвой политических акторов или одним из главных факторов ирредентизма, политической и социально-культурной напряженности [1]. Таких примеров в истории границ достаточно много и это не удивительно. Наличие свободных земель и удаленность от политического центра стимулировали миграционные потоки и смешение этнической карты пограничных зон. Постепенное развитие и распространение этнических доктрин породило стремление меньшинств к территориальному объединению с социокультурной родиной. Соседствующие государства стремились к территориальным экспансиям под предлогом законной защиты своих соотечественников. Ярким примером являются пограничные конфликты в Европе второй половины XVIII–XIX вв.: войны за раздел Речь Посполитой, Датско-Прусская и Австрийско-Прусская войны за Шлезвиг и Голштейн, Венецианскую область и Франко-Прусская война за Эльзас и Лотарингию. Очевидным решением проблемы ирредентизма, под которым понимается стремление определенной группы воссоединиться с соседним государством, для многих государств Европы была политика этнического поглощения пограничных территорий. Для этого использовались технологии социально-этнического инжиниринга (ассимиляция, сегрегация, апартеид). Население пограничья в этом контексте не рассматривалось отдельным политическим субъектом, а выступало структурным элементом государственной политики.

На скандинавском континенте население фронтирных зон зачастую также становилось фактором формирования и развития политической напряженности. Однако этническая картина пограничья существенно отличалась от континентальной Европы. Здесь пограничным населением были саамы, которые этнически не принадлежали к какому либо из титульных этносов, граничащих друг с другом государств. В Северном Калотте (северной части Фенноскандии) длительное время значительную роль играло соперничество не за территории как таковые, а за податное население, что подразумевало необходимость расширения территориальной юрисдикции.

Саамы вели полукочевой образ жизни, что отчасти сказалось на позднем определении политических границ в Скандинавии в отличие от континентальной Европы [2]. Номадизм саами был причиной подвижности фронта. Этому способствовала и идеология государства, которая заключалась в единении физиократизма и меркантилизма. В отличие от французской вариации, которая стимулировала интервенцию государства в аграрный сектор и активную колонизаторскую политику государства, скандинавский физиократизм зиждился на признании государством господства природы над человеком, предопределяющем доминантный тип экономической деятельности в различных природно-климатических поясах [3]. Отсюда следовала высокая толерантность к саами, которые занимались скотоводством в районах, не пригодных для культивации сельскохозяйственных культур. Данное обстоятельство объясняет то, что при установлении в 1751 году открытого пограничного режима в результате разрешения норвежско-шведский пограничного спора, саамы продолжили традиционные промыслы на приграничной территории [4]. Таким образом, саами являлись важным пограничным актором в истории границ Скандинавии.

Относительно толерантный период отношения государства к коренному населению существовал недолго и изменился уже в первой половине XIX столетия. В начале века геополитическая карта Скандинавии изменилась. Норвежско-финский участок границы стал границей между Норвегией и Россией. В это же время наблюдалась идеологическая поляризация европейской политики. Промыслы финских лопарей стали рассматриваться в Стокгольме и Христиании неотъемлемой частью мыслимой ими доктрины внешней политики России [5]. По аналогии с континентальной Европой они стали рассматриваться фактором ирредентизма, что вызывало со стороны государства вынужденные меры по ужесточению пограничного режима и применению приемов социально-этнического инжиниринга. Немаловажную роль в этом играл и технологический прогресс, способствующий переоценке значений типов хозяйства для экономики государства, и эпоха физиократизма становилась уже историей. Это вызывало миграционные потоки на периферию и экономическую конкуренцию с коренным населением.



Приложение 1. Историческая карта границ на Северном Каллоте

Норвежские рубежи были не однородны в административно-политическом плане, т.к. помимо норвежско-финского участка границы с Российской Империей существовал еще и норвежско-русский, который значительно отличался от других участков общих рубежей. Длительное время он оставался последней фронтальной зоной не только Скандинавии, но и Европы в целом. Кроме этого, коренное население фронта – скольты, на наш взгляд, играли более существенную роль в процессе территориализации и значительно отличались в носимой ими роли в отличие от выполняемых пограничным населением традиционных функций.



Приложение 2. Карта трех саамских сийт, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – нач. XIX вв.  
 1. Нявдемский сийт (Нейден нор.), 2. Пазрецкий сийт (Пасвиг нор.),  
 3. Печенгский сийт (Пейсен нор.)

В историографии российско-норвежского пограничья традиционное восприятие скольтов мало отличается от описанного нами выше восприятия пограничного населения как фактора напряженности и ирредентизма. С «Политической истории Финмарка» А.О. Йонсена, опубликованной в 1923 г., сложилось распространенное суждение о том, что именно коренное население спорных российско-норвежских территорий – «общих округов» было носителем российской политической идентичности и настаивало на расширении политических границ Российской империи [6]. Пророссийская ориентация скольтов выводилась этим норвежским исследователем из политики «русификации», наблюдаемой им в XVII–XVIII вв. В российской же историографии существует устойчивое мнение, что экономические взаимоотношения скольтов с норвежскими саами имели высокий уровень конфликтности и выражались в форме самопроизвольной промысловой экспансии вторых на территорию скольтов. Такая позиция основывается на отчетах русских исправников периода 1822–1828 гг. [7]. Ссылаясь на единичный факт, интерпретированный третьим лицом, исследователи не сопоставляли представленные факты с другими документами этого или предшествующего разграничению периода, поэтому эти выводы выглядят недостаточно убедительными<sup>1</sup>.

Необходимо отметить и методологические недостатки, присущие классической исторической географии, нашедшие отражение в исследованиях об истории российско-норвежского разграничения и пограничья. Главный из них – это игнорирование эволюционной природы государства [8]. Исследователи воспринимали его как постоянный и объективный исторический субъект. Наделяя государство характеристиками политического субъекта, который стремится к территориальной экспансии и обретению четких границ своего суверенитета, исследователи воспринимали рост хозяйственной активности населения одной из держав как показатель политики территориальной консолидации. Более того, в рамках такой парадигмы история территорий становилась историей взаимодействия отдельных политических субъектов, в т.ч. государств. Локальное пространство и, особенно, роль коренного населения в территориализации стран попросту игнорировалась. Несмотря на то, что спорное пространство Норвегии и России не было пустынным в культурно-историческом и

<sup>1</sup> Авторы имеют в виду, документы о промысловых конфликтах и статистические описания саами в XVIII в.

социальном плане, это была территория скольтов, но подавляющее число исследователей пограничья пренебрегают этим значимым историческим субъектом, который упоминается в его описательной значимости при составлении нарратива [9].

Формально скольты находились под российской юрисдикцией и принадлежали к православной церкви. Это стало предпосылкой для формирования образа, что восточная группа саами принадлежала к «Русскому миру», и они исполняли роль своеобразного социокультурного и экономического барьера для Норвегии [10]. Традиционно считается, что именно саами спровоцировали делимитацию границы и в тоже время они стали главной жертвой установленной границы [11].

Анализ и сопоставление норвежских и российских документов о промысловой активности скольтов и конфликтах с норвежскими и российскими подданными дает нам качественно иную картину.

Для начала обратимся к статусу норвежско-русского фронта и формам его администрирования. Во многом эти факторы предопределили активную функцию скольтов в конструировании пограничья. Три сийта (погосты) саами составляли территорию фронта, которые по датским юридическим документам именовались общими округами<sup>1</sup>. Округа были *comunum dominium*, а их ресурсы – *comunum bonum*<sup>2</sup>. Смешанная форма владения округов была наследием средневековой эпохи. В средневековом праве владение территорией не всегда включало прямое управление территорией в административном плане. Юрисдикция государства в обыденной практике ограничивалась судом и правом налогообложения [12]. Последнее зачастую было определяющим для объявления территории владением того или иного государства. Ввиду того, что обе державы имели равные права на сбор налогов, то де-юре «общие округа» были кондоминиумом России и Норвегии, однако характер юрисдикции был непропорциональным. Норвегия не обладала правом *impregium*<sup>3</sup>. Административная юрисдикция над скольтами, а значит и их территорией, находилась в руках Российской империи. Это не позволяло норвежцам долгое время заселить Южный Варангер. Попытки одностороннего заселения округов, предпринимавшиеся норвежскими властями, наталкивались на упорное сопротивление скольтов. Такие инциденты были характерны не только для начала XIX в. Первый эпизод, связанный с жалобой на норвежские поселения на территории нявдемский сийт, был зафиксирован уже в 40-х гг. XVIII в. [13]

Административный контроль России над сийтами саами являлся фрагментированным. Территориальная политика Норвегии и России существенно отличались. Так, норвежское государство стремилось консолидировать и рационализировать управление территориями. Географический принцип был в основе территориального деления. Зачастую налоговые округа повторяли структуру сравнительно небольшого числа саамских сийт. Контроль над подданными носил систематический характер. В России преобладал отраслевой, фискальный принцип территориального деления. С точки зрения фискальной политики плотность податного населения саамских сийт была незначительной для дробления Кольского полуострова на более мелкие налоговые округа. Вместо этого полуостров был объединен в один налоговый округ, административный центр которого находился в Кольском остроге, расположенном в центре всего округа, но существенно отдаленно по отношению к фронтиру, чем аналогичный норвежский округ. В Норвегии земли скольтов были приписаны к налоговому округу Вардэ Восточного Финмарка, который располагался на соседнем берегу Варангер-фьорда [14]. В России юрисдикция над упомянутым налоговым округом на практике находилась в руках единственного инспектора, который приезжал в летнее и зимнее время на сравнительно короткий период [15]. Окружное чиновничество пыталось консолидировать управление путем перераспределения административных полномочий между Колой и сийтами саами. Это позволяло не разделяться этнически неоднородному и обширному территориальному пространству на отдельные политические образования. Децентрализация управления на местах позволяла в какой-то степени контролировать сийты в условиях острой нехватки ресурсов управления.

Фактически сийты были автономной самоуправляемой административной структурой. Сложившаяся на практике неформальная форма управления саамскими сообществами парадоксально контрастировала с официальной, достаточной унитарной системой управления Империей, сложившейся при Петре I [16]. Де-факто саами были и подданными империи и представителями власти в одном лице. Они самостоятельно регулировали социально-экономические отношения в пограничной зоне, и настолько привыкли к невмешательству российской власти в управление погостами, что вопреки тому, что округа были *comunum dominium*, скольты считали их своим *dominium privatum* [17].

Отсутствие «внешнего» административного контроля и четких зон юрисдикции превратили общие округа в свободную экономическую зону. Единственным субъектом, который устанавливал правила, были саами. В эпоху протекционизма такие зоны встречались крайне редко, и это было очень выгодно для внешних экономических акторов: поморов, норвежских саами, норвежских и

<sup>1</sup> В российской историографии округа принято называть «двоеданными погостами».

<sup>2</sup> *Comunum dominium* (лат. яз.) – общее владение; *comunum bonum* (лат. яз.) – общее благо.

<sup>3</sup> *Impregium* (лат. яз.) – управление, юрисдикция.

русских купцов. О росте торговой активности экономических субъектов свидетельствует рост количества торговых становищ на территории округов в XVIII – начале XIX в.

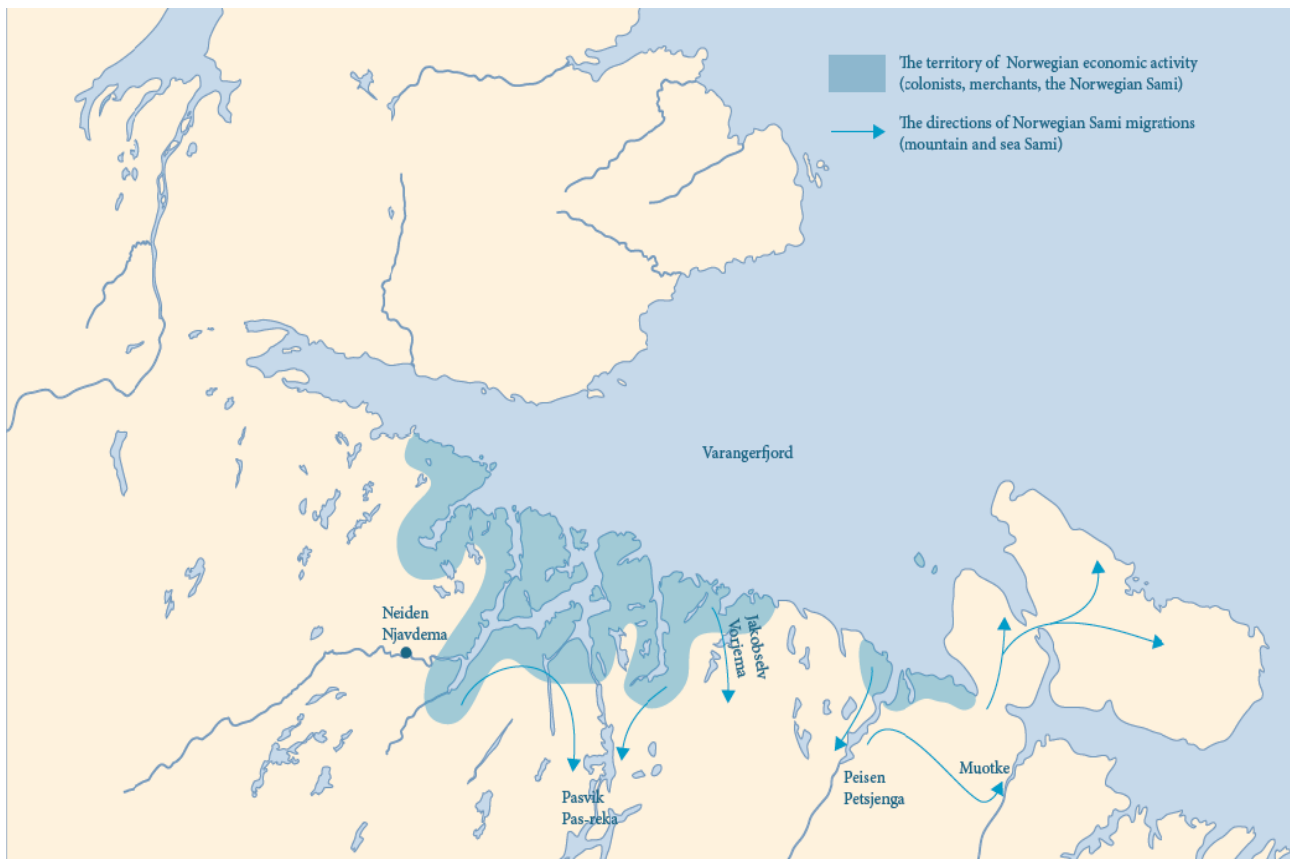


Приложение 3. Карта промысловых становищ. Черным треугольником обозначены становища XVIII в. Красным треугольником – становища начала XIX в.

В это же время появляются постоянные представители крупнейших торговых домов Вадсе, Колы и Архангельска.

К началу XIX в. между купцами и скольтами действовали долгосрочные договора на добычу и скупку семги, трески. Данные промысловых ведомостей и показания скольтов свидетельствует, что в 20-ые годы печенгские саами передали большую часть семужьих тоней в долгосрочное пользование кольскому купцу Шабунину. Остальные коллективы пазрецкого и нявдемского сийитов, поделив экспортные тони, сочетали краткосрочные и долгосрочные арендные отношения. Часть из рыбных мест они передали в постоянную аренду торговым домам Попова и Плотникова, а другую – сдавали в кратковременную аренду норвежским, морским саамам и поморам [18]. Низкая себестоимость саамской рыбы (1 пуд муки обходился 2–3 пуда семги или трески) и богатство тоней усиливали интерес поморов и норвежских саамов к торговле и промыслам в погостах скольтов [19]. О масштабах торговли говорит тот факт, что всего за 1817 год все три погоста приобрели одной только муки 750 пудов (12 тыс. кг.), 60 пудов крупы и 275 пудов соли [20]. Саамы одной только печенгского сийита поставляли в Архангельск за летний сезон от 300 до 500 пудов рыбы [21].

Норвежские саамы также стремились получить доступ к ресурсам на территории скольтов. Одним из главных были новые пастбища для оленьих стад. Многие исследователи связывают это с относительно низкой конкуренцией русских лопарей в пастьбе и дефицитом оленьего корма на Северном Варангере [22]. Немаловажную роль в активной сезонной миграции норвежских лопарей играл именно статус округов. Из переписки русской администрации известно, что горные лопари знали, что административная юрисдикция норвежского инспектора заканчивалась у мыса Верес (Бугенес) – западной границы «общих округов». От него шли земли, на которые инспектор приезжал для сбора налогов с русских лопарей. С 1785 года ежегодные поездки были сокращены до одной в три года, а с 1813 года поездки чиновника вовсе прекратились [23]. Горные лопари умело использовали это, чтобы скрыть действительное число оленьих стад и укрыться от налогов [24].

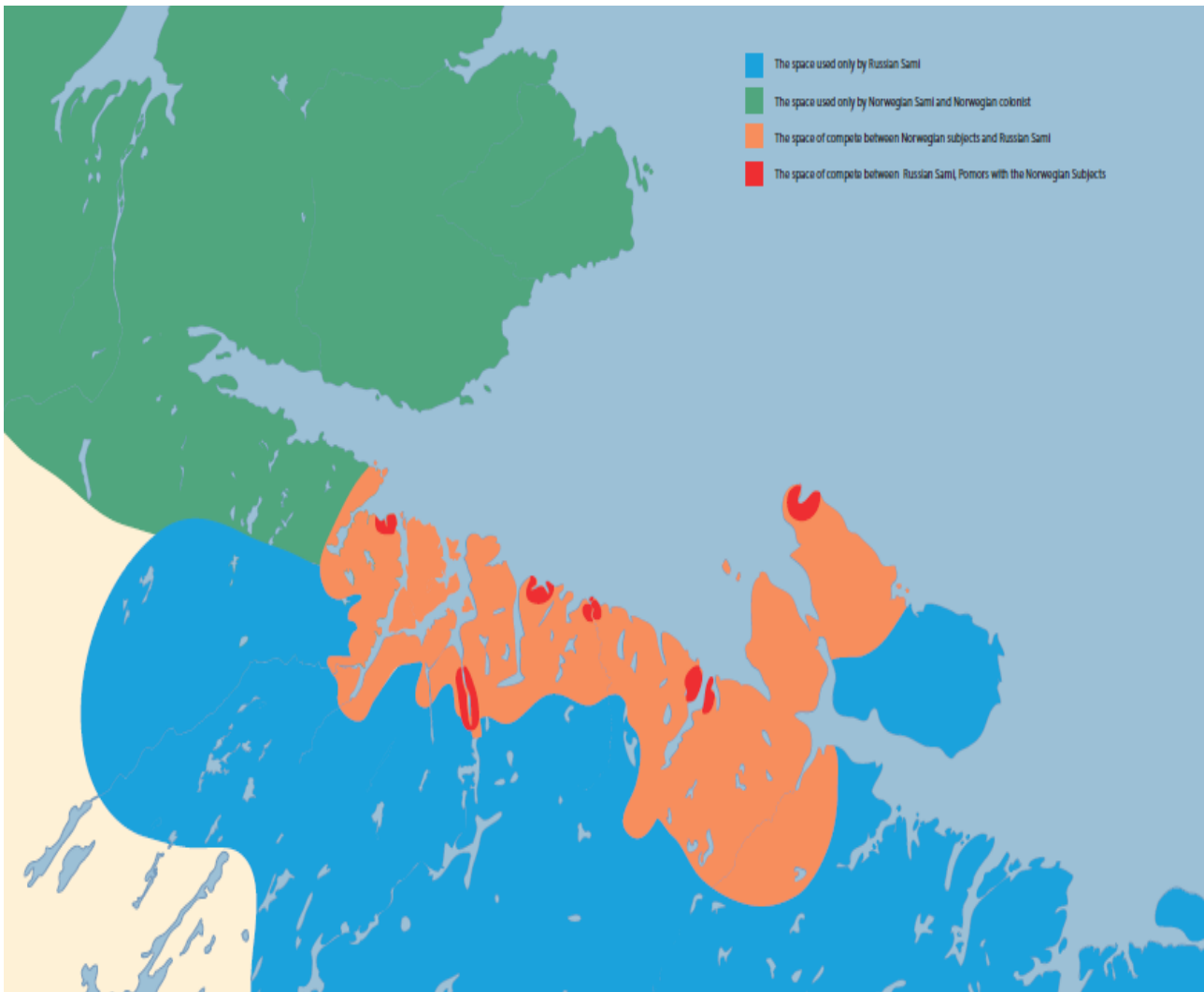


Приложение 4. Карта норвежской промысловой деятельности и саамских миграций на территории общих округов второй половины XVIII – начала XIX вв.

Это было выгодно и русским лопарям. Они не культивировали оленеводство так эффективно, как горные саами. Скольты охотно сдавали свои пастбища в аренду в обмен на право использовать норвежских оленей [25]. Это объясняет стремление норвежских горных лопарей пасти свои стада как можно глубже в русских землях, куда не распространялась норвежская юрисдикция.

Стремительное развитие экономических связей скольтов с внешними акторами в XVIII – начале XIX вв. было вызвано и проводимой Норвегией и Россией фискальной политикой. В XVIII в. чиновники начинают принимать вместо натурального налога только денежную его форму. Более того, сумма подушевого налога постоянно росла, а вместе с ней появлялись новые повинности и косвенные налоги: рекрутский, ямской [26]. Все это стимулировало скольтов активнее вступать в товарно-денежные отношения.

Конечные пункты экспорта товаров располагались в существенно различных природно-климатических условиях, что обуславливало приезд внешних субъектов в округа в различное время года. Такой сезонный характер экономической активности предопределил зависимость внешних акторов от коренного населения. Территория скольтов была местом встреч, и саами играли роль промежуточного звена в торгово-промысловых отношениях. Особенно это было важно в период межсезонья (с сентября по май) [27]. Возможно, поморы были более заинтересованы в посредничестве скольтов, потому что они не имели возможности напрямую продавать хлеб и лес норвежским промышленникам. Право прямой торговли в Норвегии имело относительное единичное число крупных торговых домов. Для массы русских крестьян единственной возможностью для провоза товара было оформление документов на снабжение этими товарами скольтов, которые потом через них продавались норвежским купцам. Большое число дел о такого рода контрабанде говорит о том, что это было обычной ежедневной практикой в поморской торговле [28].



Приложение 5. Карта экономических отношений между норвежскими и российскими подданными на территории общих округов XVIII – начала XIX вв. Синий цвет – пространство хозяйственной активности российских саами, Зеленый цвет – пространство хозяйственной активности норвежских саами и норвежских колонистов, Оранжевый цвет – районы хозяйственных конфликтов между норвежскими подданными и российскими саами, Красный цвет – районы хозяйственных конфликтов российских саами и поморов с норвежскими подданными

Скольты и фронтирный статус их территории были интеграционным фактором для формирования экономических взаимосвязей пограничных губерний Норвегии и России. Вероятно уже в XVIII в. Варангер превратился в своеобразный единый микрорегион, где его южное побережье играло не меньшую роль в процессе межрегиональной торговле и экономической интеграции, чем его северная часть.

Коренные жители были заинтересованы в торгово-промысловых связях с норвежскими партнерами, что заставило нас более скрупулезно проанализировать их жалобы на норвежских подданных, которые послужили основой для последующей дипломатической переписки о разграничении этих общих пространств. Сопоставление жалоб русских саами исправнику Постникову с документами норвежской следственной комиссии Крога-Нильсена и разграничительной комиссии Галямина-Спорка указывает на то, что русские лопари отнюдь не желали, чтобы норвежские подданные прекратили свои промыслы в их сийтах [29]. Об этом косвенно говорит и отказ архангельского генерал-губернатора Миницкого в 1824 г. от третьей встречи исправника и фогта для расследования промысловых конфликтов лопарей [30]. В своем отношении в Санкт-Петербург он намекнул, что русские лопари настолько путаются в показаниях, и рассмотрение дела об их жалобах выглядит бесполезным [31]. В то же время фогт Нильсен, опросив норвежских и русских лопарей, выяснил, что причиной конфликта был не спор саами, а попытка русского чиновника выдворить норвежских горных лопарей. Обе стороны в разговоре с фогтом настаивали на обоюдовыгодном и совместном характере промыслов на территории «округов» [32]. Тем не менее, мы не можем игнорировать факта предшествующих жалоб скольтов русскому исправнику в 1822–1823 гг. [33]. Вероятнее всего скольты попросту хотели принудить норвежских собратьев к пересмотру промысловых отношений и заставить морских саами отказаться от постоянного поселения в их



сийтах. Самостоятельно это сделать двоеданные лопари не могли, т.к. их коллективы были значительно меньше числа мигрирующих норвежским саами [34]. Нехватка собственных ресурсов для контроля над пространством сийт и желание остаться в стороне стали причиной включения в разбирательство конфликта третейского судьи в лице российского чиновничества. Это во многом объясняет попытки скольтов отказаться от своих прежних показаний при разговоре со следственной (февраль–апрель 1823 г.) и пограничной комиссиями (июль–август 1825 г.). Остается без ответа и вопрос о том, почему скольты называли свою территорию исключительно российской землей. Может ли это свидетельствовать об их высокой прорусской самоидентификации? Если это так, то может ли это говорить о том, что скольты и ранее придерживались прорусской позиции?

Как мы уже указывали, главным фактором прорусской политической самоидентификации была принадлежность скольтов к православной вере. В XV в. Русская православная церковь построила монастырско-храмовый комплекс на территории общих округов. Дальнейшие отношения скольтов и Печенгского монастыря складывались довольно сложно. В XVII-нач. XVIII в. монастырь стал ориентироваться на активную торгово-ростовщическую деятельность [35]. Это обусловило рост социальной дифференциации и обнищание скольтов. Неудивительно, что эти времена прошли для скольтов под знаком борьбы за ограничение экономической позиции монастыря и возвращение своих промысловых мест. В итоге последние монастырские земли были возвращены печенгским лопарям в 1727 году, а в 60-ые гг. XVIII в. монастырь был упразднен [36].

Церковная комиссия Симонова по проверке религиозного состояния скольтов пришла к выводу, что миссионерско-просветительская деятельность церкви в это время отсутствовала. Скольты сохранили свои старые верования и активно взаимодействовали со своими норвежскими сородичами [37]. Они были православными лишь по внешним признакам. Еще одним ярким свидетельством низкой активности монастыря было сокращение постоянно-действующих приходов на территории общих владений. С середины XVIII в. священники стали появляться в православных церквях только на время религиозных праздников [38]. Это объясняет, почему в периоды хозяйственно-территориальных споров с норвежцами скольты ни разу не использовали религиозный аргумент для того, чтобы подчеркнуть свою русскую принадлежность [39]. Документы российской региональной администрации свидетельствуют, что именно русские чиновники и поморы подчеркивали православную принадлежность скольтов как важный аргумент их территориальной принадлежности к России [40]. Скольты наряду с церковными строениями были символическими маркерами границ культурного фронта России. Однако это не вызывало желания центральной власти использовать христианскую территориальную этику для территориальных экспансий<sup>1</sup>. Политическая власть России была светской. Отсутствие четких границ с Норвегией не вызывало раздражения и у региональных властей, которые спокойно относились к наличию открытой фронтальной зоны. Это вполне адекватно отвечало административной практике губернии, построенной на смешанных принципах протекционизма и физиократизма. Их интерес на границе было отражением имперской политики и еще в большей мере отражением политико-информационных манипуляций скольтов.

Дела о хозяйственных конфликтах скольтов с норвежскими подданными и русскими чиновниками XVIII в. свидетельствуют о том, что коренные жители фронта одновременно апеллировали к норвежскому и русскому суверенитету в зависимости от того, с какой стороны они ощущали сильное экономическое давление. Имеется достаточно фактов, когда нелегальные поборов русских чиновников или рекрутский набор вынуждали их обращаться к норвежским чиновникам [41]. Скольты взывали к фискальному суверенитету Норвегии и просили защитить их от самоуправств российской стороны. В ситуации, когда скольтам не нравился рост хозяйственной активности норвежских подданных, они делали тоже самое, но обращались к русским чиновникам [42]. Очевидно, что конструкции «гражданства» и «политической идентичности» не играли определяющей роли для самоидентификации скольтов. Они демонстрировали более сильную родоплеменную и локально-территориальную идентичности. Первые два понятия и вытекающие из них нормы были привнесены чужаками. Для скольтов эти понятия были функционально-прикладными инструментами, важными составляющими дискурса территориальной и хозяйственно-промысловой политики «внешней власти» – Норвегии и России. Саами находились между двумя мощными центрами сил, и это обстоятельство выгодным образом использовалось для регулирования экономических отношений и сохранения самодостаточности сийт. Такой баланс успешно поддерживался скольтами вплоть до конца XVIII в., но уже в начале следующего столетия они постепенно прекращают взывать к норвежскому суверенитету.

Кардинальные изменения в деятельности норвежской власти были связаны с территориальной политикой Остфинмарского фогта и амтмана. С 80-ых гг. XVIII в. норвежское региональное чиновничество стало стимулировать развитие поселенческой колонизации в сийтах скольтов, вмешиваясь в традиционную систему промыслово-хозяйственных отношений скольтов с норвежскими горными и морскими саами [43]. Российская же сторона не пыталась колонизировать

<sup>1</sup> Под христианской этикой территориальной политики авторы понимают практику использования религиозных объектов или единоверцев для легитимации территориальных экспансий государств Средневековья и раннего Нового времени».

пограничье. В идеологическом плане физиократизм был России мощнее, чем в Норвегии. Российская политическая власть считала фронтальные земли пустынными и бесполезными для колонизации вплоть до середины XIX в. Отношение архангельского чиновничества к кольской окраине было емко и точно представлено фразой губернатора маркиза Де-Траверсе: «... там могут жить только два петуха да три курицы» [44]. Один факт проживания на «пустынных территориях» считался в среде государственной элиты суровым наказанием. Традиционно территории, непригодные для сельского хозяйства, северные и таежные земли русские власти использовали для политической и уголовной ссылки. В случае с российско-норвежским фронтиром чиновничество полагало, что достаточно того, что в пограничье проживают одни русские, православные лопари, привыкшие к суровому климату. Мрачные представления власти о северном измерении сдерживали вмешательство русской администрации в социально-экономическую систему сиййт. Это удовлетворяло саами, не желавших активности русских чиновников, которая, вместе с тем, стала постепенно возрастать с консолидацией государства и распространением научного знания.

Развитие научного знания в XVII–XVIII вв. значительно усилило роль статистики и картографии в управлении территориями. В русле этой тенденции Норвегия и Россия пытались систематизировать сведения о своем политическом пространстве. Почти одновременно оба государства начали вести активное картографирование и статистическое описание собственных фронтиров. Полевые журналы русских чиновников 60–80-х гг. XVIII в. свидетельствуют, что источником информации для карт и статистических данных были скольты, которые зачастую искажали информацию о ресурсах пограничья и структуре фронта [45].

Интересной иллюстрацией этого является «Дело об описании лесов и составлении ландскарты Кольского Уезда». В 1763 г. указом Сената туда были командированы морские офицеры из Санкт-Петербурга Иван Фролов и Николай Нелединский [46]. По окончании работ офицеры объявили, что на территории уезда строевого леса не имеется. Возможно, на этом всё бы и закончилось, но буквально через год в Сенат обратился английский купец Гомь с просьбой разрешить ему порубку леса в Кольском уезде [47]. Сенат, обеспокоенный тем, что его могли обмануть в декабре 1764 г. выслал на имя архангельского губернатора Егора Головцына секретный приказ с требованием найти надежного офицера и организовать тайную опись лесов [48]. Командированные для выполнения этого поручения секунд-лейтенант Лихновский и землемер, поручик Василий Нагибин почти сразу обнаружили несоответствия карты и полевого журнала Нелединского реальным географическим данным [49].

Но выполнить поручение быстро они не смогли. Саами и администрация Колы уклонялись от помощи комиссарам. Повсеместно лопари объявляли Лихновскому, что строевого леса в погостах нет [50]. Полгода «секретная комиссия» безуспешно пыталась изучить уезд без местных проводников. Лихновский так и не дождал до окончания дела: он скончался в сентябре 1765 г. при странных обстоятельствах [51]. Отчаявшийся Нагибин уже начал думать о том, что ему придется возвращаться обратно. Но ему улыбнулась удача, и в случайной беседе с солдатом кольского гарнизона он узнал, что в уезде имеется строевой лес [52]. Лопари и кольские обыватели попросту скрывали его. Поручик вновь исследовал погосты и при допросе лопарей узнал не только о «лесных местах», но и то, что в 1763 г. саами одаривали деньгами и «различными подарками» столичных офицеров, чтобы те не вносили в журнал и на карту строевые леса [53]. Отметим, что карта Лихновского-Нагибина, хоть и была в географическом исполнении точнейшей картой уезда XVIII в., но, тем не менее, она ни разу не использовалась при составлении других карт Кольского уезда. Громоздкий и неповоротливый механизм государственного управления, несогласованность действий министерств и ведомств в итоге похоронил эту карту в архивах морского и военного министерства. Остальные атласы и карты XVIII – начала XIX в. мало отличались от исходной Фролова-Нелединского [54].

Но вернемся к землям скольтов. Мы отмечали, что государственной границы в «общих округах» не существовало, хотя это не мешало коренным жителям убеждать Фролова, Нагибина и другим землемеров, что граница существует. Линии «государственных пределов», указанных скольтами очень точно, повторяли рубежи нявдемской сиййты. В своих сведениях саами довольно ловко играли на незнании русскими чиновниками местности. Пограничные знаки сиййта скольты называли верно, но в пространственном выражении расположение пунктов они мешали и сдвигали восточные границы сиййта на северо-запад [55]. Манипуляции с пространственными образами давали им дополнительное легитимное право для взывания к русскому суверенитету и защите. Собранные сведения отражались на губернских, академических атласах и картах Российской империи.



Приложение 6. Карта российских и норвежских делимитационных проектов к 1826 г.

В XIX в., когда начались переговоры о демаркации границы, никто не мог переубедить архангельских чиновников, что границы не определены. Они полностью доверяли показаниям скольтов, совпадавших с политическими картами и атласами России той эпохи [56]. Генерал-губернатор Миницкий настаивал в 1824 г., что государственная граница находится вдоль р. Паесь, расположенной западнее р. Паз (по-норвежски Пасвиг), намекая Императору, что шведско-норвежские посланники обманывают русских, играя на схожести топонимов [57]. Летом 1824 г. МИД Швеции-Норвегии предлагал провести границу по р. Пасвиг. Центральные власти, не столь доверчивые к сведениям скольтов, сопоставив норвежские доказательства с российскими источниками, увидели ошибку Миницкого, и пограничная линия получила не те очертания, на которых настаивали скольты более полутора века [58].



Приложение 7. Карта российско-норвежской границы 1826 г. Черный цвет – линия государственной границы 1826 г. Зеленый цвет – границы саамских сиййт до 1826 г.

Линия границы прошла посередине пазрецкого сийита саами и значительно сокращала нявдемскую сийиту. Более того, де-юре пятая и восьмая статьи Конвенции 1826 года сокращали их традиционные промыслы и ареал обитания [59]. Узнав об этом в 1828 г. от фогта Каппелена, скольты были шокированы данным обстоятельством. Они стали отрицать очевидное и различными домыслами, и мифами оправдывать нарушение правил конвенции. Пазрецкие саами уверяли фогта, что демаркационные работы в 1826 г. была частной сделкой между русским комиссаром Галяминым и норвежским купцом Эбенсенем, и русский царь, уже осведомленный об этой несправедливой сделке, скоро вышлет новых комиссаров, которые восстановят справедливость [60]. В их памяти укоренилось представление о двух границах «старой» – справедливой, своей и «новой» – неправильной, чужой. Данное обстоятельство свидетельствует о нежелании сколтов подталкивать административную интервенцию Норвегии и России в управление фронтиром и, тем более, к демаркации границ. Приходится признать, что они не осознавали противоречивость их интересов с представлениями о территориальности государственной власти. Линия границы, предложенная комиссией Галямина-Спорка была одобрена самим Николаем I, стремящегося к «естественным» и закрытым границам [61]. Со смертью Александра I ушла эпоха физиократизма с ее либеральным отношением к открытым фронтирным зонам. В контексте новой, этатистской концепции границы саамским трансграничным промыслам не было места. Николай I пожелал, чтобы рыбные и лесные

промыслы лопарей на норвежской территории по прошествии шести лет раз и навсегда были бы прекращены [62].

Стоит отметить даже в этом ракурсе, что документы российского и шведского МИДов свидетельствуют: элиты не оценивали хозяйственные конфликты с точки зрения концепции борьбы с пятой колонной внутри страны. Промысловые споры саами были лишь предлогом для консолидации политического пространства Норвегии и севера России.

Скольты еще долгое время не ощущали действия ограничительных мер, предписанных пограничной конвенцией 1826 г. и дополнительным протоколом 1834 г.. Причина была достаточно обыденной: при наличии физической границы ни Норвегия, ни Россия не могли обеспечить соответствующего контроля над указанным фронтиром. До 70-ых гг. XIX в. скольты беспрепятственно продолжили экономическую кооперацию с норвежскими саами, русскими и норвежскими промышленниками [63]. Единственно важным и существенным изменением было разрушение торгово-экономической системы, сложившейся в XVIII в. Коренное население перестало играть посредническую роль в так называемой «поморской торговле» между восточным Финмарком и Архангельской губернией.

Норвежские власти до и после разграничения фронта не политизировали саамский вопрос на русско-норвежском участке границы. Период с 1834 по 1860 годы мы можем определить временем терпимости властей в отношении саамских промыслов на этом участке общей границы. На норвежско-финском же участке наблюдался противоположенный процесс. С 1827 г. там постепенно нарастала политизация саамских промыслов. В итоге это привело к закрытию данного участка границы в 1852 г. [64]. Одна и та же политическая граница на разных ее участках имела совершенно отличный пограничный режим и отношение к пограничному населению. В 1840-е гг. Остфинмаркские власти, желая подчеркнуть свою снисходительность в отношении скольтов и избегая политизации промыслов, выступили с инициативой межрегионального контроля над промыслами [65]. Саами вновь стал фактором сближения пограничных регионов. Однако если в XVIII – начале XIX в. это был спонтанный, неконтролируемый процесс, то в первой половине XIX в. это стало приобретать регулируемые и контролируемые формы.

### **Заключение**

Вопреки сложившейся традиции восприятия пограничного населения, как фактора пограничной напряженности, можем констатировать, что в истории российско-норвежского пограничья скольты выполняли функцию буферной интеграционной зоны. Они стремились не к усилению политического присутствия какого-либо из государств, а пытались сохранить свою целостность через лавирование между двумя центрами силы. Однако данная тактика принесла обратный результат. Хозяйственные споры лопарей вместе с неопределенностью границ стали непозволительной ситуацией для центра в условиях смены идеологии и приоритетов реализуемой политики.

### **Благодарности**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

### **Примечания:**

1. Niemi E. Border Minorities between State and Culture // *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed. T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 69-70.
2. Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-Российское Арктическое Пограничье: от общих округов к поморской зоне // *Арктика и Север*. 2012. № 5 С. 4-7.
3. Niemi E. Grenseland og Periferi: Møtested for Stat, Nasjon og Etnisitet // *Det Hjemlige og det Globale* / Ed. E. Niemi, Ch. Smith-Simonsen. Oslo, 2009. S. 436.
4. Pedersen S. Lappekodisillen i Nord 1751-1859. Fra grenseavtale og sikring av samenes rettigheter til grensesperring og samisk ulykke // *Avhandling for dr. philos. Tromsø*, 2006. S. 12-14.
5. Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare: sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo, 1981. S. 27-29.
6. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet // *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse. Kristiania*, 1922.
7. Andresen A. Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russisk grensetrekningen i 1826. Sør-Varanger Museum, 1989.
8. Kolossov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // *Geopolitics*. 2005. № 10. Pp. 607, 611.
9. Зайков К.С. Пограничная конвенция 1826 г. в отечественной историографии XIX-XXI вв. // *Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX-XXI вв.)* / Под ред. А.А. Комарова. Москва, 2012. С. 130-131.
10. Johnsen O.A. Указ. соч.

11. Никольский В.Н. На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914.
12. Paasi A. Mapping the Backgrounds, contexts and Contests // *Ordering Space* / Ed.: H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot, 2005. P. 19-22.
13. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 2 Оп. 2/1. Д. 701. Лл. 7-9, 98-101.
14. Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745. Oslo, 1962. S. 332-335.
15. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 44; Ф. 4. Оп. 1. От. 1. Д. 147. Лл. 17-18.
16. Лысенко Л.М. Губернаторы и Генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – начало XX века). Москва, 2001. С. 20-25.
17. *Domunium privatum* (лат. яз.) – частное владение. ГААО – Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Л. 80.
18. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273. Лл. 53-57, 76-76 об., 81.
19. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273. Лл. 81-81 об.
20. «Ведомость о состоящих по мурманскому берегу промысловых становищах за 1817». ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 655. Лл. 43 об. 44.
21. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273. Л. 54.
22. Andresen A. Указ. соч. С. 24-25.
23. Niemi E. Указ. соч. С. 390-391.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 442. Оп. 1. Д. 26. Лл. 6-6 об.
25. ГААО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 642. Лл. 1-3 об.
26. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7638. Л. 1.
27. Нильсен Й.П., Зайков К.С. Указ. соч. С. 8-9.
28. ГААО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 273. Лл. 53-57, 81.
29. Подполковник Галямин природу конфликтов объяснял следующим образом: «Долгое время жили они в миру и пользовались совершенным спокойствием наконец предместник нынешнего исправника титулярный советник Агабов прибыв в печенгский погост и увидев норвежских оленей приказал их всех забрать и объявить финмаркам чтобы они не осмелились преступать границ которые по мнению его были у Верес Наволока. Сии полагая что лопари наши сами были причиною нарушения условия начали делать им разные неприятности портить силки расставляемые ими для ловли зверей не допускать до рыбных промыслов». Государственный Архив в г. Осло – RA/S-1076/F/Fb/Lo001; RA/EA-4036/H/Hc/Lo020.
30. «В 1822 г. в феврале исправник Постников утверждал что обнаружил на территории мотовского, печенгского и пазрецкого погостов норвежских лопарей, которые произвольно пасут свой скот и ловят рыбу в землях русских лопарей, нанося последним большие убытки и неудобства. Последующие за этим две попытки собрать комиссию из норвежского фогта и исправника для расследования дела на месте результата не дали. Исправник Постников по разным причинам оба раза опоздал на встречу». Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 4. Д. 910. Лл. 26, 31, 34, 36.
31. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч.1. Л. 113.
32. Государственный Архив в г. Осло – RA/S-1076/F/Fb/Lo00.
33. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Лл. 1-4, 83.
34. Фогт Нильсен в 1825 г. докладывал, что на территории «общих округов» постоянно проживающих 35 семей морских, норвежских саамов и в летнее время кочуют еще 34 семьи горных, норвежских саамов. В 1825 г. пограничная комиссия Галямина-Спорка определила, что общая численность русских саамов в округах была 29 семей. RA/S-1076/F/Fb/Lo001.
35. Johnsen O.A. Указ. соч. С. 207-208.
36. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 221. Лл. 1-6;
37. Кучинский М.Г. Миссия Алексея Симонова // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 6. С. 105.
38. Major Peter Schnitlers. Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745. Oslo, 1985. S. 72-77.
39. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9571. Лл. 1-5.
40. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Лл. 65-67; 135-154.
41. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Лл. 134-143.
42. ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512. Лл. 1-95.
43. RA/EA – 4036/F/Lo002.
44. Сидоров М. Север России. СПб., 1870. С. 71.
45. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490.
46. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6066. Лл. 4-9.
47. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490. Лл. 1-2.
48. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6490. Л. 2.
49. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Лл. 1-3, 61-62, 67.
50. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Лл. 23-24, 67-70.
51. Во время пребывания в Коле местная администрация пыталась вмешаться в дела комиссии. Кольские чиновники делали попытки изъятия бумаг комиссии, в ходе некоторых из них секунд-лейтенанта избивали. Затем, в ходе поездки по саамским погостам Лихновский внезапно заболевает,

его охватывает паралич и потом в Коле он скоропостижно умирает. – ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Лл. 1-70.

52. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Л. 97.

53. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6804. Л. 102.

54. Обе карты находятся в РГВИА. – Ф. 416. Оп. 1. Д. 44.

55. Восточная граница нявдемской сийты располагалась в северо-восточном направлении вдоль линии сопок к западу от р. Паз. В 1785 гг. они утверждали землемерам что «государственная границы» расположена от мыса Верес, до горы Колмись и от нее к западу в нескольких верстах вдоль р. Паесъ (Паз). – ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3. Лл. 20, 43-46.

56. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. Ч. 1. Лл. 65-71, 122-124.

57. Den norske historiske forenings komite for arkivgranskning i Russland – RA/PA-0409/V/L0003/boksen – XII.

58. Den norske historiske forenings komite for arkivgranskning i Russland - RA/PA-0409/V/L0003/boksen – XII.

59. «Согласно пятой статье лопари должны были по прошествии трех лет определиться с подданством и местом жительства. Восьмая статья воспрещала лопарям заниматься оленей пастьбой на территории отошедшей к соседнему государству». См.: Чулков Н. К истории разграничения России с Норвегией. М., 1901. С. 154-155.

60. Prebensen Samling RA/UD-G05/10, pakke 13-18, boksen 5214.

61. Den norske historiske forenings komite for arkivgranskning i Russland - RA/PA-0409/V/L0003/boksen – XII.

62. ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87. ч. 1. Лл. 307-308.

63. Andresen A. Указ. соч. С. 59-87.

64. Зайков К.С. Указ. соч. С. 36-37.

65. ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 3579. Л. 10.

#### References:

1. Niemi E. Border Minorities between State and Culture // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed. T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 69-70.

2. Nielsen Y.P., Zaikov K.S. Norwegian-Russian Arctic Borderlands: the total districts to the Pomor zone // Arctic and North. 2012. № 5. Pp. 4-7.

3. Niemi E. Grenseland and Peripherals: A meeting place for State Nation and Ethnicity // The Domestic and Global / Ed. E. Niemi, Ch. Smith-Simonsen. Oslo, 2009. P. 436. (In Norwegian).

4. Pedersen S. Lapp Codicil in the North from 1751 to 1859. From border agreement and securing of Saami rights to limit barring and Sami accident // Thesis for dr. Phil. Tromsø, 2006. Pp. 12-14. (In Norwegian).

5. Eriksen K.E, Niemi E. The Finnish fare: vulnerabilities and minority politics in the North from 1860 to 1940. Oslo, 1981. Pp. 27-29 (In Norwegian).

6. Johnsen O.A. Finmark political history // Writings published by the Norwegian scientist academy in Oslo, II, Hist. file. class. Christiania, 1922. (In Norwegian).

7. Andresen A. Sii'daen disappeared. East Sami in Pasvik by the Norwegian-Russian border road in 1826. Sør-Varanger Museum, 1989 (In Norwegian).

8. Kolossov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches // Geopolitics. 2005. № 10. Pp. 607, 611.

9. Zaykov K.S. Boundary Convention 1826 in a domestic historiography XIX–XXI centuries. // Russia and Norway. Questions of domestic sources and historiography (XIX–XXI centuries.) / Ed. A.A. Komarov. Moscow, 2012. Pp. 130-131. (In Russian).

10. Johnsen O.A. Decree. Op.

11. Nikolskiy V.N. In the Russian-Norwegian border. Arkhangelsk, 1914. (In Russian).

12. Paasi A. Mapping the Backgrounds, contexts and Contests // B/ordering Space / Ed.: H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot, 2005. Pp. 19-22.

13. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). F. 2 Op. 2/1. D. 701. Pp. 7-9, 98-101.

14. Major Peter Schnitler. Limit Examination Protocols from 1742 to 1745. Oslo, 1962. Pp. 332-335. (In Norwegian).

15. State Archives of Arkhangelsk Region (GAAO). F. 1. Op. 1. V. 8. D. 44; F. 4. Op. 1. Ot. 1 D. 147. Pp. 17-18.

16. Lysenko L.M. Governors and Governor-General of the Russian Empire (XVIII-early XX century). Moscow, 2001. Pp. 20-25. (In Russian).

17. Domunium privatum (lat. Lang.) - Private ownership. GAAO - F. 1367. Op. 1. D. 87. Part 1. L. 80.

18. GAAO. F. 4. Op. 2. D. 273. Pp. 53-57, 76-76, 81.

19. GAAO. F. 4. Op. 2. D. 273. Pp. 81-81.

20. «The sheet about consisting of Murmansk coast fishing encampment of 1817». GAAO. F. 1. Op. 3. D. 655. Pp. 43-44.

21. GAAO. F. 4. Op. 2. D. 273. P. 54.

22. Andresen A. Decree. Op. Pp. 24-25.
23. Niemi E. Decree. Op. Pp. 390-391.
24. Russian State Military History Archive (RGVIA). F. 442. Op. 1. D. 26. P. 6
25. GAAO F. 4. Op. 3. D. 642. Pp. 1-3.
26. GAAO. F. 1. General. 1. T. 4. D. 7638. P. 1.
27. Nielsen, J.P., Zaikov K.S Decree. Op. Pp. 8-9. (In Russian).
28. GAAO. F. 4. Op. 2. D. 273. Pp. 53-57, 81.
29. Colonel Galyamin nature of conflict is explained as follows: «For a long time they lived in peace and enjoyed perfect tranquility finally previous current titular counselor Aqaba police officer arriving at the graveyard and saw Pechenga Norwegian reindeer ordered them all to pick and Finnmark announce that they do not dare to transgress the boundaries of the opinion that it was at Veres Navolok. These are shallow that the Lapps were the cause of our own violations of the conditions began to make their various troubles spoil their snares are placed to catch the animals to avoid fisheries». State Archive in Oslo - RA/S-1076/F/Fb/L0001; RA/EA-4036/H/Hc/L0020.
30. «In 1822, in February, the police captain Postnikov claimed to have discovered in the territory Motovsky, Pechenga and Pazretskogo graveyards Norwegian Lapps, who freely graze their cattle and fish in the lands of Russian Lapps, the latter causing big losses and inconvenience. Follow this two attempts to collect a commission from the Norwegian bailiff and police officer to investigate the case on the spot to no avail. The police Postnikov for various reasons, both times late for a meeting». Russian State Historical Archives (RGIA). F. 1286. Op. 4. D. 910. Pp. 26, 31, 34, 36.
31. GAAO. F. 1367. Op. 1. D. 87. P.1. P. 113.
32. RA/S-1076/F/Fb/L000.
33. GAAO. F. 1367. Op. 1. D. 87. P. 1. Pp. 1-4, 83.
34. Vogt Nielsen reported in 1825 that in the «general constituencies» 35 families residing sea, Norwegian and Saami in the summer wander another 34 families of mountain, the Norwegian Sami. In 1825, the Border Commission defined that the total number of Russian Saami districts was 29 families. RA/S-1076/F/Fb/L0001.
35. Johnsen O.A. Decree. Op. Pp. 207-208.
36. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 1. D. 221. Pp.1-6;
37. Kuchinsky M.G. Mission Alexei Simonov // Ethnographic Review. 1998. № 6. P. 105. (In Russian).
38. Major Peter Schnitler. Limit Examination Protocols from 1742 to 1745. Oslo, 1985. Pp. 72-77. (In Norwegian).
39. GAAO. F. 1. Op. 1. D. 9571. Pp. 1-5.
40. GAAO. F. 1367. Op. 1. D. 87. P.1. Pp. 65-67; 135-154.
41. AVPRI. F. 2. Op. 2/1. D. 701. Pp. 134-143.
42. GAAO. F. 4. Op. 7. D. 512. Pp. 1-95.
43. RA/EA - 4036/F/L0002.
44. Sidorov M. Northern Russia. SPb. 1870. P. 71. (In Russian).
45. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6490.
46. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6066. Pp. 4-9.
47. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6490. Pp. 1-2.
48. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6490. P. 2.
49. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6804. Pp. 1-3, 61-62, 67.
50. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6804. Pp. 23-24, 67-70.
51. During his stay in Kola local administration tried to intervene in the affairs of the commission. Kola officials attempted seizure of the securities commission, during some of their second-lieutenant beaten. Then, during a trip to Sami pogosti Lichnowski suddenly falls ill, it covers paralysis and then to Cola, he suddenly dies. - GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6804. pp. 1-70.
52. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 6804. 4. D. P. 97.
53. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6804. P. 102.
54. Both cards are RGVIA. - F. 416. Op. 1. D. 44.
55. The eastern boundary nyavdemskoy siyty located in the north-easterly direction along the hills to the west of the river. Groove. In 1785. they claimed that the surveyors «state border» is of Cape Veres, to Mount Colm and from there to the west a few miles along the river Paes. - GAAO. F. 4. Op. 4. D. 3. Pp. 20, 43-46.
56. GAAO. F. 1367. Op. 1. D. 87. P.1. Pp. 65-71,122-124.
57. The Norwegian Historical Association's committee for archive scrutiny in Russia - RA/PA-0409/V/ L0003/box - XII.
58. The Norwegian Historical Association's committee for archive scrutiny in Russia - RA/PA-0409/V/ L0003/box - XII.
59. «According to the fifth article Lapps were after three years to determine the nationality and place of residence. Eighth article forbade Lapp reindeer grazing engaged in the territory ceded to the neighboring state». See: Chulkov N.K.: On the History of demarcation between Russia and Norway. M., 1901. Pp. 154-155. (In Russian).



60. Prebensen Assembly RA/UD-G05/10, package 13-18, box 5214.  
61. The Norwegian Historical Association's committee for archive scrutiny in Russia - RA/PA-0409/V/L0003/box - XII.  
62. GAAO. F. 1367 Op. 1. D. 87. P. 1. Pp. 307-308.  
63. Andresen A. Decree. Op. Pp. 59-87.  
64. Zaykov K.S. Decree. Op. Pp. 36-37.  
65. GAAO. F. 2. Op. 1. T. 4. D. 3579. P. 10.

УДК 94(470+481)(045)

**Саамы в истории норвежско-российского пограничья:  
фактор напряженности или региональной интеграции?**

<sup>1</sup> Владислав Иванович Голдин

<sup>2</sup> Константин Сергеевич Зайков

<sup>3</sup> Александр Михайлович Тамицкий

<sup>1, 2, 3</sup> Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, 2

<sup>1</sup> Доктор исторических наук, профессор

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

<sup>2</sup> Кандидат исторических наук

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

<sup>3</sup> Кандидат политических наук, доцент

E-mail: a.tamitskiy@gmail.com

**Аннотация.** Данная статья подготовлена на основе обширного массива документов и картографических материалов ведущих архивов Российской Федерации и Норвегии, в том числе вводимых впервые в научных оборот, а также научных публикациях отечественных и зарубежных историков. Авторы свое внимание сосредотачивают на истории российско-норвежской границы и саамском факторе ее развития. На скандинавском континенте население фронтальных зон зачастую становилось фактором формирования и развития политической напряженности, но этническая картина российско-норвежского пограничья отличалась тем, что фронтальный статус скольтов был интеграционным фактором для формирования экономических взаимосвязей пограничных губерний России и Норвегии. Данный тезис авторы объясняют особенностями проводимой политики двух государств относительно пограничных территорий и заселяющих их этнических групп, особенностями ведения хозяйственной деятельности и экономического взаимодействия скольтов с другими общностями, а также их восприятие пространства проживания.

**Ключевые слова:** российско-норвежские отношения; российско-норвежское пограничие; саамы.